

В1097

Е. Е. Толубинскій.

ПО ПОВОДУ ПЕРЕСТРОЯ В. И. ЛАМАНСКИМЪ

ИСТОРИИ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА, ПЕРВОУЧИТЕЛЯ СЛАВЯНСКАГО.

— * —

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1907.

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

В10 97

П. К. СИМОНИ

В. В. Толубинскій.

X

ПО ПОВОДУ ПЕРЕСТРОЯ В. И. ЛАМАНСКИМЪ

ИСТОРИИ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА, ПЕРВОУЧИТЕЛЯ СЛАВЯНСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1907.

неб

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Сентябрь 1907 г.

Непремѣнный секретарь, Академикъ *С. Олденбургъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности
Императорской Академіи Наукъ, т. XII (1907 г.), кн. 2-я, стр. 368—380.

**По поводу перестроя В. И. Ламанскимъ
исторіи дѣятельности Константина фи-
лософа, первоучителя Славянскаго.**

Въ своей статьѣ: «Славянское житіе св. Кирилла какъ рели-
гіозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ»,
напечатанной въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія
1903-го—1904-го годовъ, В. И. Ламанскій отвергаетъ досто-
вѣрность такъ называемаго Паннонскаго житія Константина фи-
лософа, утверждая, что оно дошло до насъ сильно фальсифици-
рованнымъ, и представляетъ исторію дѣятельности послѣдняго
совершенно по новому противъ житія. Твердо оставаясь при томъ,
не нашемъ только, но и общемъ или почти общемъ, мнѣніи, что
житіе, принадлежа перу ученика Константинова и написанное
еще при жизни Меѳодія, дошло до насъ въ неповрежденномъ видѣ
и въ семъ дошедшемъ до насъ видѣ должно быть признаваемо за
вполнѣ достовѣрную біографію Константина, мы сдѣлали краткія
возраженія г. Ламанскому въ нашей Исторіи русской церкви
(I тома 2-я полов., 2 изд. стр. 910 sqq). Теперь по поводу об-
щихъ положеній, къ которымъ пришелъ г. Ламанскій въ своей
критической работѣ надъ житіемъ относительно сего послѣдняго
и относительно дѣятельности Константина и которыя онъ выска-

зываетъ въ отчетѣ о своей научной дѣятельности въ теченіе прошлаго 1906-го года, представленномъ отъ него въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ (общаго отчета по Отдѣленію стрр. 23—25) мы позволимъ себѣ сдѣлать краткія дополнительныя возраженія г. Ламанскому.

Первое общее положеніе г. Ламанскаго гласить: «Славянское житіе Константина Философа нельзя считать вполне достовернымъ и безукоризненнымъ источникомъ. Умалчивая о чудесахъ, довольно упомянуть о приписываемомъ Константину Философу переводѣ какой то еврейской грамматики (еще въ IX вѣкѣ не имѣвшей) въ 8-ми частяхъ, о неточномъ указаніи года сарацинской миссіи якобы въ 851 г. вм. 855—6 г., о прочтеніи Константиномъ Философомъ надписи на якобы Соломоновой чашѣ; о бытности ея въ Константинополѣ молчатъ обильныя средневѣковыя извѣстія о разныхъ того же рода достопамятностяхъ и рѣдкостяхъ.

На пути изъ Константинополя къ Хазарамъ, въ нашу теперешнюю Астрахань, Константинъ имѣлъ продолжительную остановку на Таврическомъ полуостровѣ, въ городѣ Херсонѣ или Корсуні. Во время остановки онъ выучился у здѣшнихъ Евреевъ нужному для него въ предстоявшихъ съ Евреями Хазарскими диспутахъ еврейскому языку, при чемъ сдѣлалъ то дѣло, подѣ которымъ В. И. Ламанскій вмѣстѣ съ другими учеными разумѣетъ переводъ еврейской грамматики на греческій языкъ. Подлинная рѣчь житія есть слѣдующая: «Дошедъ до Корсуни, (Константинъ) научиса ту жидовстѣй бесѣдѣ и книгамъ, осмъ частіи граммотикіа преложъ и отъ того разумъ боли въсприимъ». Если бы слова: «осмъ частіи граммотикіа преложъ» разумѣть и о переводѣ Константиномъ еврейской грамматики на греческій языкъ, какъ разумѣетъ г. Ламанскій вмѣстѣ съ другими: то и въ этомъ случаѣ не было бы основанія видѣть въ нихъ свидѣтельство о недостоверности житія. Вопросъ о томъ: была или не была у Евреевъ въ половинѣ IX вѣка грамматика ихъ языка, составляетъ вопросъ спорный, на который одни ученые отвѣчаютъ отри-

цательно, а другіе утвердительно. При этомъ не было бы рѣшительнаго основанія смотрѣть на наши слова какъ на указанное свидѣтельство даже и въ томъ случаѣ, если бы всѣ ученые отвѣчали на вопросъ отрицательно. Могло не быть грамматики у всѣхъ извѣстныхъ ученыхъ Евреевъ и уже могла она быть у Евреевъ именно Херсонскихъ: община здѣшнихъ Евреевъ была очень давняя, — о ней говорится уже въ сказаніяхъ о Херсонскихъ священномученикахъ, страдавшихъ въ началѣ IV вѣка, и что было бы невѣроятнаго и невозможнаго въ предложеніи, что именно у нихъ явились первые ученые написавшіе грамматику своего языка и что это было до половины IX вѣка? Но по всей вѣроятности, въ словахъ житія: «осмь частіи грамотикіа преложь» должно разумѣть не переводъ еврейской грамматики на греческій языкъ, а нѣчто другое. Если бы разумѣемъ былъ переводъ грамматики, то, съ одной стороны, прямо сказано было бы, что преложилъ съ еврейскаго языка на греческій, а съ другой стороны — не было бы сказано, что осмь частіи грамотикіа, ибо въ еврейской грамматикѣ не восемь частей рѣчи, какъ въ греческой, а менѣе. Затѣмъ, вовсе не видна и непонятна цѣль, для которой бы Константинъ сдѣлалъ переводъ еврейской грамматики. Говорится, что отъ своего предложенія онъ «боліи разумъ воспріимъ», т. е. что при помощи своего предложенія онъ болѣе основательнымъ образомъ ознакомился съ еврейскимъ языкомъ; но что касается до грамматики въ отношеніи къ сему болѣе основательному знакомству, то нужно было читать ее и не было никакой нужды дѣлать ея перевода. Слово «преложити» кромѣ значенія: перевести съ одного языка на другой въ древнее время употреблялось еще въ значеніи: изложить что нибудь. Въ этомъ послѣднемъ значеніи слово «переложити» употребляется напр. въ такъ называемой Ефремовской Кормчей начала XII вѣка, въ переводѣ 12 правила Трулльскаго собора: *ὡς ἂν οἱ τῆς ἀληθείας ψοστῆρες καὶ διδάσκαλοι διὰ τῶν οἰκείων συγγραμμάτων παρέθεντο*, акы истиннии свѣтильници и учителяе своими писаніи преложиа. И мы думаемъ, что въ этомъ именно смыслѣ излагать и

употреблено слово «преложити» въ нашемъ житіи¹⁾. Для того, чтобы лучше уразумѣть, лучше усвоить себѣ еврейскій языкъ, Константинъ изложилъ восемь частей еврейской грамматики: это будетъ значить, что Константинъ для сейчасъ указанной цѣли попытался и постарался составить для себя по образцу грамматики греческой нѣкоторый очеркъ или нѣкоторый абрисъ грамматики еврейской. Несомнѣнно, что Константинъ былъ человѣкъ выдающихся способностей вообще и выдающейся способности и склонности къ языкознанію въ частности. А при условіи признанія сего не будетъ совершенно ничего невѣроятнаго въ дѣлаемомъ нами предположеніи. Но предположеніе наше, конечно, уже ничего не говоритъ противъ достовѣрности Константинова житія. Наоборотъ, нисколько не говоря противъ достовѣрности Константинова житія, оно будетъ говорить въ пользу того, что житіе написано при жизни Меѳодія и подъ его редакціей: Константинъ, конечно, не хвастался предъ учениками, какъ онъ изучалъ еврейскій языкъ, но про это зналъ братъ его Меѳодій, на глазахъ котораго происходило самое изученіе, и онъ и могъ сообщить свѣдѣніе о составленіи Константиномъ для себя нѣкотораго очерка еврейской грамматики тому его ученику, которому было поручено имъ написать житіе Константинова.

Когда В. И. Ламанскій указываетъ какъ на одно изъ свидѣтельствъ о недостовѣрности житія Константинова на то, что въ немъ ошибочно относится сарацинская миссія Константина къ 851-му году вмѣсто 855-6-го года: то можно выразить только удивленіе такому указанію. Г. Ламанскій считаетъ ошибочнымъ показаніе житія относительно года сарацинской миссіи не на

1) Далѣе въ житіи говорится, что желающій читать въ подробности бесѣды Константина въ Хазаріи съ еврейскими и магометанскими богословами «въ книгахъ его обрящетъ я, еже предложитъ учитель нашъ и архіепископъ Меѳодій, братъ Константина философа, раздѣлитъ е на осмъ словесъ». Подъ «преложити» разумѣютъ обыкновенно (какъ и мы разумѣли) переводъ Меѳодіемъ сочиненія Константинова съ греческаго языка на славянскій. Но едва ли не гораздо вѣроятнѣе понимать дѣло такъ, что Меѳодій изложилъ бесѣды Константина, составилъ записи ихъ (при чемъ книги записей называются Константиновыми потому, что въ нихъ бесѣды послѣдняго?).

основаніи какихъ нибудь имѣющихся у него положительныхъ достовѣрныхъ свѣдѣній, а единственно на основаніи своихъ предположеній. Онъ предполагаетъ, что Константинъ изобрѣлъ славянскую азбуку не для Моравовъ, въ слѣдствіе ихъ посольства въ Константинополь, а гораздо ранѣе его для малоазійскихъ Славянъ предъ путешествіемъ къ Сарацинамъ (собственно по г. Ламанскому къ тѣмъ же Славянамъ, о чемъ ниже); по свидѣтельству же Черноризца Храбра изобрѣтеніе Константиномъ славянской азбуки имѣло мѣсто въ 855 году. Но указывать на то, что лишь предполагается, какъ на положительное и безспорное, есть пріемъ далеко не настояще историческій. . . (О Храбровомъ годѣ изобрѣтенія Константиномъ славянской азбуки и о возможности поправить его такъ, чтобы онъ вполне согласовался съ показаніемъ о годѣ житія Константинова, мы говорили въ прежнихъ нашихъ возраженіяхъ В. И-чу.

Сомнѣваться въ достовѣрности показанія житія Константинова относительно того, что въ св. Софій Константинопольской находилась чаша «отъ драгаго каменія, Соломона дѣла», т. е. чаша, которая выдавалась и принималась за чашу, сохранившуюся отъ Соломона, нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Знаменитый еврейскій царь Соломонъ былъ однимъ изъ главныхъ героевъ средневѣковыхъ народныхъ сказаній, какъ олицетворявшій собою мудрость и великолѣпіе, и въ разныхъ мѣстахъ Европы не мало находилось вещей, которыя, отличаясь качествомъ матеріала или работы, слыли за вещи Соломоновы. Чтò же удивительнаго, если оказалась его вещь и въ Константинополѣ, въ которомъ было цѣлое собраніе замѣчательныхъ апокрифическихъ вещей, начиная съ сѣкиры, которою Ной ковчегъ дѣлалъ, и жезла Моисеева? В. И-чъ указываетъ на то, что о бытности чаши въ Константинополѣ молчатъ обильныя средневѣковыя извѣстія о разныхъ того же рода достопамятностяхъ и рѣдкостяхъ. Но вѣдь извѣстія не представляютъ собою общихъ подробныхъ списковъ всѣхъ Соломоновыхъ вещей, находившихся въ разныхъ мѣстахъ Европы, а поединично говорятъ однѣ объ однихъ, другіе о другихъ

вещахъ, и въ числѣ другихъ вещей очень могло не существовать отдѣльнаго сказанія и о Константинопольской чашѣ Соломоновой, тѣмъ болѣе, что Константинополь находился, такъ сказать, въ сторонѣ отъ западной Европы. Кромѣ Софійской чаши Соломоновой былъ еще въ Константинополѣ, во дворцѣ императорскомъ, тронъ Соломоновъ: западно-европейскія сказанія не говорятъ и объ этомъ Соломоновомъ тронѣ, достовѣрно извѣстномъ намъ изъ домашнихъ свидѣтельствъ (изъ сочиненія Константина Порфирогенита *De cerimoniis aulae Byzantinae*, lib. II, cap. 15; cfr. комментарий Рейскія къ этому мѣсту Константина Порфирогенита, въ которомъ ведется рѣчь вообще о вещахъ выдававшихся и принимавшихся за Соломоновы, Боннск. изд. т. II, стр. 641 нач.— Исторія чаши, какъ можно предполагать, есть та, что она была сдѣлана для домашняго столоваго употребленія какого-то очень богатаго еврея, что потомъ она какъ-то попала въ магазинъ рѣдкостей, въ которомъ была приобрѣтена какимъ-то благочестивымъ христіаниномъ, принесшимъ ее въ даръ св. Софїи.— Въ житїи говорится о чашѣ, что она была «отъ драгого каменїа», а въ надписи на самой чашѣ говорилось, что она «сѣтворена древа иного». Думаемъ, что слово: «древо» должно быть понимаемо въ общемъ смыслѣ матеріала, а слово: иной—въ смыслѣ единый, единственный, и что выраженіе «сѣтворена древа иного» значитъ: сдѣлана изъ матеріала единственнаго, изъ матеріала драгоцѣннаго.— Надпись на чашѣ начиналась словами: «Чаша моя, чаша моя, прощай . . .» Это непонятное обращеніе къ чашѣ указываетъ на древній египетско-еврейскій обычай чашеволхвованія или чашегаданія, о которомъ говорится еще въ книгѣ Бытія, гл. 44, ст. 5, и о которомъ см. нѣкоторыя рѣчи у *Winer*'а въ *Biblisches Realwörterbuch*'ѣ подъ сл. *Wahrsager*.— Если на основанїи непонятной цифры въ надписи на чашѣ, случайно совпадавшей съ хронологіей царствованія Соломона, Константинъ объявилъ ее (надпись) за пророчество о Христѣ: то должно смотрѣть на это какъ на дань, принесенную имъ своему времени и своему собственному настроенію.

Второе общее положеніе В. И. Ламанскаго гласить: «Свидѣтельство житія о составленіи славянской грамоты и переводѣ богослужебныхъ книгъ Константиномъ Философомъ не раньше Ростиславова посольства (862 г.) есть несомнѣнная басня, довольно глупая, такъ какъ честь этого великаго историческаго подвига приписываетъ князю Ростиславу, просившему такого переводчика и грамотѣя для своихъ Моравовъ, и царю Михаилу III, приказывавшему составить грамоту и переводы для Моравовъ. Истинный основатель Славяновѣдѣнія Добровскій (вмѣстѣ съ Востоковымъ), отличавшійся своимъ критическимъ дарованіемъ, давно уже и ясно доказалъ баснословность этого преданія моравскаго».

Житіе Константина дѣйствительно весьма умаляетъ его заслугу въ дѣлѣ введенія у Моравовъ богослуженія на ихъ родномъ славянскомъ языкѣ; но это—не съ его собственной, а съ нашей точки зрѣнія на дѣло. Съ нашей точки зрѣнія главная заслуга Константина состояла не въ изобрѣтеніи азбуки и не въ переводѣ книгъ, что могъ сдѣлать и обыкновенный человѣкъ, а въ мысли дать Моравамъ богослуженіе на ихъ родномъ языкѣ, которая могла явиться только у необыкновеннаго человѣка. Напротивъ, съ точки зрѣнія автора житія, вмѣстѣ со всѣми его современниками и со многими и изъ теперешнихъ ученыхъ (въ томъ числѣ до нѣкоторой степени и съ самимъ В. И. Ламанскимъ?) главное въ дѣлѣ введенія Константиномъ у Славянъ богослуженія на ихъ родномъ славянскомъ языкѣ было изобрѣтеніе имъ славянской азбуки. Что авторъ житія именно такъ смотритъ на дѣло, это дается имъ знать съ совершенною и безспорною ясностію. Но смотря такъ на дѣло и съ настойчивостію говоря, что изобрѣтеніе азбуки составляло исключительно и единственно личный подвигъ Константина, онъ не полагалъ и не подозрѣвалъ, чтобы умалялъ заслугу послѣдняго въ дѣлѣ введенія у Моравовъ богослуженія на ихъ родномъ славянскомъ языкѣ. Между тѣмъ онъ имѣлъ важное побужденіе къ тому, чтобы мысль о введеніи богослуженія на славянскомъ языкѣ усвоилась не Константину,

а самимъ Моравомъ. Дѣло въ томъ, что Греки были совершенно такими же тріязычниками, какъ и латиняне, и совершенно такъ же и столько же укоряли Константина за дарованіе славяпамъ богослуженія на ихъ собственномъ языкѣ, какъ и сколько укоряли эти послѣдніе (какъ это совершенно ясно даетъ знать черноризецъ Храбръ въ своемъ сказаніи о письменѣхъ). Такъ вотъ, чтобы уменьшить вину Константина въ глазахъ Грековъ, къ мнѣнію которыхъ не могъ оставаться нечувствительнымъ редакторъ житія Меодій, какъ бывший по національности грекомъ, въ житіи и усвоится мысль о введеніи у Моравовъ богослуженія на славянскомъ языкѣ самимъ послѣднимъ, т. е. авторъ житія хочетъ сказать, что-де Константинъ вынужденъ былъ дать Моравамъ богослуженіе на ихъ родномъ славянскомъ языкѣ, такъ какъ они искали и просили этого. Затѣмъ, было у автора житія еще и другое побужденіе представлять дѣло такъ, какъ онъ представляетъ послѣднее. Ему нужно было отвѣтить на вопросъ: за чѣмъ Моравы присылали къ Грекамъ это посольство, слѣдствіемъ котораго было введеніе у нихъ Константиномъ богослуженія на ихъ собственномъ славянскомъ языкѣ. Моравы присылали къ Грекамъ посольство за тѣмъ, чтобы заключить съ ними политическій союзъ въ противовѣсъ таковому же союзу ихъ враговъ Нѣмцевъ съ Болгарами и чтобы вмѣстѣ съ симъ отдать себя въ церковную власть патріарха Константинопольскаго вмѣсто папы Римскаго. Но политическій союзъ и съ нимъ церковное подчиненіе были до крайности непродолжительны, прекратившись почти или и совсѣмъ тотчасъ по прибытіи Константина въ Моравію, такъ что, съ одной стороны въ то время какъ авторъ житія писалъ послѣднее, о нихъ не было уже никакой памяти, а съ другой стороны—всякое напоминаніе о нихъ Грекамъ, надъ которыми Моравы, такъ сказать, только посмѣялись, было бы для нихъ оскорбленіемъ. По сей часъ указанному побужденію вмѣстѣ съ другимъ побужденіемъ, которое указано нами выше, авторъ житія и заставляетъ Моравовъ обращаться къ Грекамъ съ просьбою о томъ, мысли о чемъ у нихъ вовсе не могло быть и мысль

о чемъ несомнѣнно во всей цѣлости принадлежала Константину. Такимъ образомъ, дѣйствительное умаленіе житіемъ Константина заслуги послѣдняго въ дѣлѣ введенія у Моравовъ богослуженія на ихъ родномъ славянскомъ языкѣ вовсе не обязываетъ непремѣннымъ образомъ къ тому, чтобы признавать свидѣтельство житія о составленіи славянской грамоты и переводѣ богослужебныхъ книгъ Константиномъ не ранѣе Моравскаго посольства за несомнѣнную и довольно глупую (!) басню, а вполне удовлетворительнымъ образомъ можетъ быть объяснено и при твердомъ признаніи достовѣрности сказанія относительно времени составленія Константиномъ грамоты и перевода книгъ. Напрасно г. Ламанскій ссылается на аббата Добровскаго. Этотъ послѣдній еще не зналъ нашихъ такъ называемыхъ Паннонскихъ житій Константина и Меодія и, имѣя дѣло съ однѣми позднѣйшими легендами, ничего твердымъ образомъ не установилъ ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ. Правда, что онъ относитъ изобрѣтеніе Константиномъ словенскаго письма и переводъ имъ евангелія ко времени до путешествія Константина въ Моравію; но первые Славяне, которыхъ онъ надѣляетъ славянской азбукой Константина и славянскимъ богослуженіемъ, суть Болгары, что несомнѣннымъ образомъ ложно.

Третье общее положеніе В. И. Ламанскаго гласитъ: «Свидѣтельство мниха Храбра и одна изъ статей Болгарскаго синодика Тырновскаго собора 1211 одинаково утверждаютъ, что слав. грамота и переводъ богослужебныхъ книгъ были совершены въ царствованіе Михаила III и матери его Θεодоры, т. е. въ періодъ времени (842—855) не позже 855 г. и должно полагать, не раньше 40-хъ г.г., а приблизительно въ началѣ 50-хъ».

Какъ можно примирить Храбра съ житіемъ Константина, не посягая на это послѣднее и не заподозрѣвая его въ фальсификаціи, объ этомъ мы говорили въ прежнихъ нашихъ возраженіяхъ г. Ламанскому. Если бы у Храбра вмѣстѣ съ именемъ Михаила стояло имя Θεодоры, то нашъ способъ его примиренія съ жи-

тіемъ, состоящій въ томъ, чтобы согласиться видѣть у него вмѣсто 855-го года 863 годъ, оказывался бы негоденъ, ибо Теодора была удалена сыномъ отъ престола и заключена въ монастырь въ 854-мъ или 856-мъ году. Но имя Теодоры стоитъ вмѣстѣ съ именемъ Михаила только въ синодикѣ, а авторитетъ сего послѣдняго въ данномъ случаѣ весьма не важенъ (но есть ли и въ синодикѣ то, что усвоаетъ ему г. Ламанскій? Въ выдержкахъ изъ синодика, приводимыхъ въ статьѣ о немъ Палаузова, напечатанной въ 21-й книгѣ Временника Общества исторіи и древностей, нѣтъ желаемаго мѣста?).

Почему-то г. Ламанскій не говоритъ здѣсь о томъ, для какихъ, по его мнѣнію, Славянь Константинъ изобрѣлъ славянскую азбуку и перевелъ на славянскій языкъ богослужебныя книги. Въ статьѣ онъ, предполагаетъ, что Константинъ сдѣлалъ то и другое для Славянь Малоазійскихъ. Въ разныхъ мѣстахъ Малой Азіи, говоритъ онъ, было не мало славянскихъ колоній; нѣкоторые изъ Славянь этихъ колоній, бывъ такъ или иначе помусульманены состояли на службѣ у Арабовъ и насылаемы были ими послѣдними на имперію для грабежей и для захвата людей и мѣстъ; такъ вотъ, предполагаетъ онъ, правительство византійское и рѣшило попытать счастья, постараться при помощи Константина съ его славянской азбукой и славянскими богослужебными книгами обратить этихъ Славянь изъ магометанства въ христіанство и такимъ образомъ изъ враговъ имперіи сдѣлать ея друзьями. Это предположеніе г. Ламанскаго, совершенно ни на чемъ не основанное (кромѣ развѣ его давняго знакомства съ Славянами Малоазійскими, о которыхъ онъ писалъ диссертацию еще въ 1859-мъ году) яснымъ и рѣшительнымъ образомъ опровергаетъ само себя. Попытка обратить помусульманенныхъ Славянь въ христіанство не могла быть произведена тайно, а должна бы была производиться совершенно явно. Но вѣдь никоимъ образомъ византійское правительство и Константинъ не могли надѣяться, чтобы имъ дозволили сдѣлать попытку Арабы (представлявшіе изъ себя въ отношеніи къ Византіи враждебную сто-

рону рѣшительно преобладающую по силѣ). А не имѣя никакой надежды на возможность попытки, они вовсе не могли и помышлять о ней. А слѣдовательно и Константинъ вовсе не могъ, т. е. не имѣлъ побужденій помышлять о томъ, чтобы для нашихъ Славянъ изобрѣтать азбуку и переводить книги.

Четвертое общее положеніе В. И. Ломанскаго гласитъ: «Такъ называемая Хазарская миссія Константина Философа и его брата Меодія имѣла мѣсто не въ 858 г. и не на устьяхъ Волги, а въ 861 г. и на среднемъ Днѣпрѣ въ Кіевѣ, когда земля Полянъ по свидѣтельству нашей первоначальной лѣтописи называлась еще Хазарією, а у Норманновъ Gardariki и только со времени Олега стала слыть подъ именемъ Руси. Первое ея крещеніе произошло въ 861 г. приблизительно черезъ годъ послѣ перваго нападенія Варяговъ — Руси на Царьградъ (18 іюня 860 г.)».

Передѣлывая совершенно по своему исторію составленія Константиномъ славянской азбуки и перевода имъ богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ и высказывая при семъ предположеніе, что читаемая теперь въ житіи эта исторія представляетъ собой позднѣйшую вставку, г. Ламанскій отвѣчаетъ на вопросъ о томъ, кто учинилъ вставку, обвиненіемъ въ ней Моравовъ, которые-де постарались сдѣлать ее изъ побужденій народнаго славолюбія и тщеславія. Любопытно было бы знать, кого обвиняетъ г. Ламанскій въ передѣлкѣ разсказа житія о Хазарской миссіи Константина. Конечно, не Хазарь, ибо не предполагаетъ же онъ, чтобы до послѣднихъ доходило житіе Константина; конечно, и не Русскихъ, ибо предполагать это значило бы предполагать, что Русскіе рѣшились, такъ сказать, наложить руки на самихъ себя. Если же ни тѣхъ, ни другихъ, то кого же?

Совершенно передѣлываетъ г. Ламанскій исторію Хазарской миссіи Константина, основываясь отчасти на случайномъ совпадении, отчасти на произвольномъ толкованіи позднѣйшей баснословной легенды.

Въ 860-мъ году напали на Константинополь какіе-то Руссы,

предводителей которых летописцы византийские не называют по именамъ и мѣста жительства которыхъ они не указываютъ. Къ Руссамъ этимъ, послѣ того какъ они отступили отъ Константинополя, былъ, по свидѣтельству патр. Фотія, посылаемъ епископъ, который успѣлъ обратить ихъ изъ язычества въ христіанство и сдѣлать ихъ вмѣсто враговъ друзьями Грековъ. Нашъ русскій первоначальный летописецъ разумѣетъ подъ Руссами, нападавшими на Константинополь, кievскихъ Руссовъ, предводимыхъ Аскольдомъ и Диромъ. Г. Ламанскій вполне соглашается съ нашимъ летописцемъ, а такимъ образомъ и посылаетъ епископа изъ Константинополя въ Кіевъ, хотя о послѣднемъ нашъ летописецъ совершенно ничего не говоритъ. Нарочитыя рѣчи о томъ, что до крайности мала вѣроятность видѣть въ Руссахъ, нападавшихъ на Константинополь, Кіевскихъ Руссовъ, предводимыхъ Аскольдомъ и Диромъ, мы ведемъ въ 1-й половинѣ I тома нашей Исторіи русской церкви; здѣсь мы ограничимся краткимъ указаниемъ только наиболѣе рѣшительныхъ возраженій противъ этой вѣроятности. Неизвѣстные Руссы нападали на Константинополь въ 860-мъ году, между тѣмъ какъ Аскольдъ и Диръ, по свидѣтельству нашей первоначальной летописи, признаваемому всеми историками, прибыли въ Кіевъ изъ Новгорода отъ Рюрика въ 862-мъ году. О Руссахъ, нападавшихъ на Константинополь, патр. Фотій говоритъ, что они подняли руки противъ римской державы послѣ того какъ поработили находящихся кругомъ себя и отсюда помыслили о себѣ высокое, а это совершенно не идетъ къ Аскольду и Диру. Если бы въ Кіевъ приходилъ изъ Константинополя епископъ, обратившій здѣшнихъ Руссовъ въ христіанство и остававшійся у нихъ епископствовать, то невозможно было бы, чтобы въ Кіевѣ не сохранилось о немъ никакихъ преданій, какъ это на самомъ дѣлѣ... Не желая совсѣмъ отнимать у миссіи права называться Хазарской, г. Ламанскій утверждаетъ, будто земля Полянъ по свидѣтельству нашей первоначальной летописи въ 861-мъ году называлась еще Хазарією. На самомъ дѣлѣ наша первоначальная летопись говоритъ, что земля Полянская платила

нѣкоторое время дань Хазарамъ и вовсе не говорить, чтобы она называлась Хазаріей.

Но положимъ, что епископъ приходилъ изъ Константинополя именно къ Кіевскимъ Русскимъ, хотя онъ къ нимъ и не приходилъ, однако патр. Фотій вовсе вѣдь не говорить, чтобы съ епископомъ были посланы къ тѣмъ или инымъ Руссамъ Константинъ и Меодій: на какомъ же основаніи утверждаетъ это г. Ламанскій? Онъ утверждаетъ это на основаніи такъ называемой Бандуриевой греческой легенды, которая, принадлежа къ числу позднѣйшихъ баснословныхъ легендъ, усвоить Кириллу и Анастасію (вмѣсто Меодія) крещеніе св. Владимира и баснословіе которой онъ понимаетъ такъ, что ея смѣшивается съ крещеніемъ Владимира крещеніе 861 года (въ русскомъ переводѣ легенда напечатана нами въ 1-й половинѣ I тома нашей Исторіи русской церкви).

Въ давнее время В. И. Ламанскій признавалъ и называлъ наше житіе Константина драгоцѣннымъ (въ диссертациі «О Славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи», напечатанной въ 1859 г.), и онъ былъ совершенно правъ: житіе, написанное современникомъ и ученикомъ Константина, несомнѣнно при жизни и подъ редакціей Меодія ¹⁾, и дошедшее до насъ въ неповрежденномъ видѣ, представляетъ собою достовѣрную біографію Константина, которою покрываются или закрываются (похвряются) всѣ позднѣйшія о немъ, болѣе или менѣе искажающія дѣйствительность и баснословающія, сказанія. Что же касается до его теперешняго крайняго невѣрія въ житіе, то мы не можемъ не признать его столько же неправымъ...

Е. Голубинскій.

1) Выше мы привели слова житія о предложеніи Меодіемъ книгъ, содержащихъ бесѣды Константина въ Хазаріи съ іудейскими и магометанскими богословами. Ясно, что тутъ говорится еще о живомъ Меодіи, ибо при имени его нѣтъ никакого эпитета, въ родѣ: святопочившій, блаженный, который непременно находился бы при немъ, если бы говорилось уже объ умершемъ.

